

ДЕКАБРЬ
2021

Ислам в России

Поиск баланса между безопасностью и интеграцией

Центр
Россия/ННГ

МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на её автора.

ISBN: 979-10-373-0456-8

© Все права защищены, Ifri, 2021

Обложка: © Kremlin.ru

Переведено с английского Натальей Киселевой-Туде.

Прочитать публикацию:

Марлен Ларюэль, «Ислам в России. Поиск баланса между безопасностью и интеграцией», *Russie.NEI.Visions*, № 125, Ифри, декабрь 2021.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15—FRANCE

Tel.: +33 (0)1 40 61 60 00—Fax: +33 (0)1 40 61 60 60

Email: accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.NEI.Visions

Russie.NEI.Visions – серия электронных публикаций, посвящённых изучению России и других новых независимых государств на постсоветском пространстве (Беларуси, Украины, Молдовы, Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана). Статьи, подготовленные ведущими международными экспертами, посвящены актуальным стратегическим, политическим и экономическим проблемам.

Об авторе

Марлен Ларюэль, профессор, директор Института исследований Европы, России и Евразии (IERES) в университете Джорджа Вашингтона (Вашингтон, округ Колумбия), руководитель Программы изучения иллиберализма, а также соруководитель программы PONARS-Eurasia. В январе 2019 года она стала ассоциированным исследователем Центра Россия/ННГ ИФРИ. Она занимается изучением роста популистских и иллиберальных движений, возрождения консервативных идей, а также идеологическими трансформациями и вопросами национальной идентичности на постсоветском пространстве, особенно в России. Среди её последних публикаций:

- «Мягкая сила России» // *Russie.NEI.Visions*. № 122. Апрель 2021.
- «Is Russia Fascist? Unraveling Propaganda East West». Ithaca: Cornell University Press. 2021.
- «Memory Politics and the Russian Civil War. Reds versus Whites». London: Bloomsbury. 2020 (в соавторстве с Маргаритой Карнышевой).

Краткое содержание

Ислам в России представляет из себя феномен, далеко не ограничивающийся двумя чеченскими войнами и периодически сотрясавшими страну терактами. Он является неотъемлемой частью истории и культуры России, и российские власти регулярно отмечают вклад ислама в развитие страны и утверждение её в качестве великой державы.

Трудовая миграция с Северного Кавказа и из Центральной Азии в крупнейшие российские мегаполисы, динамичный мусульманский сегмент Рунета, обсуждающий ислам на русском языке, а также на первый взгляд кажущийся парадоксальным «брак по расчёту» между Русской православной церковью (РПЦ) и муфтиятом способствуют конвергенции интересов российского политического режима и его мусульманских избирателей. Это совпадение интересов несколько не соответствует тому упрощённому, бинарному представлению о России, которое распространяют оппозиционные исламу западные СМИ.

В данной статье рассматривается хрупкий баланс между секьюритизацией ислам(изм)а, который воспринимается как угроза стабильности и межнациональному согласию в российском государстве, и признанием мусульманского населения в качестве центральной опоры Кремля, как в плане электоральной поддержки и авторитарных методов правления, так и в плане продвижения консервативных ценностей.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
МНОГОГРАННОСТЬ ИСЛАМА В РОССИИ	6
Географическое разнообразие	6
Институциональное разнообразие	9
БОЛЕЕ ШИРОКИЙ КОНТЕКСТ: СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ ИСЛАМА	11
Законодательная секьюритизация: борьба с экстремизмом.....	11
Социокультурная секьюритизация: место ислама в общественном пространстве	16
УТВЕРЖДЕНИЕ «РУССКОСТИ» ИСЛАМА	20
Мусульманские регионы как опора путинского режима	21
Ислам как неотъемлемая часть «консервативного поворота» режима.....	23
Теологическая русификация российского ислама.....	25
Православие и ислам: экуменическое партнёрство	28
Тестирование новых исламских политических моделей, адаптированных к спорам о национальной идентичности	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	35

Введение

«Ислам – это яркий элемент российского культурного кода, неотъемлемая, органичная часть российской истории. Мы знаем и помним много имён последователей ислама, составивших славу нашего общего Отечества», – заявил Владимир Путин в 2013 году¹. Российский президент, как и многие в российском правительстве, регулярно подчёркивает значимость ислама в России и его роль в поддержке патриотических инициатив, проводя различие между «хорошим» исламом, прочно интегрированным в российское общество, и приносимым извне радикализированным исламом, угрожающим стабильности и межнациональному согласию в стране.

И действительно, если российский ислам зачастую воспринимается исключительно сквозь искажающую призму двух чеченских войн, радикального исламизма и терроризма, на самом деле он представляет из себя значительно более сложное явление². Традиционно являясь неотъемлемой частью истории и культуры России, в настоящее время ислам выходит за пределы своих исторических регионов (Северный Кавказ и Волго-Уральский регион), становясь общероссийским феноменом. Эти трансформации приводят к тому, что российский ислам постепенно утрачивает некоторые из своих этнических и локальных особенностей и обретает нормативные качества как элемент повседневной жизни. Свидетельством этих трансформаций являются массовые миграционные потоки мусульман с Северного Кавказа, распространяющиеся по всей территории России и особенно во всех российских мегаполисах, расширение использования русского языка в качестве языка обсуждения ислама, появление «мусульманского общественного мнения», выходящего за рамки этнической специфики, а также роль, которую играют мусульманские республики и области в электоральной легитимности путинского режима и его идеологическом строительстве.

1. Путин В. Выступление на торжественном собрании, посвящённом 225-летию Центрального духовного управления мусульман России. Уфа. 22 октября 2013. <http://kremlin.ru>.

2. Ratelle J.-F. A Critical Assessment of the Scholarship on Violent Conflicts in the North Caucasus during the Post-Soviet Period // Caucasus Survey. Т. 3. № 1. 2015. Сс. 1-24.

Многогранность ислама в России

Географическое разнообразие

Фокусируясь на растущем авторитете Русской православной церкви и регулярном обращении Владимира Путина и российского правительства к православным символам, внешние наблюдатели склонны забывать о многоконфессиональности России. Из 146 миллионов жителей России (включая два миллиона жителей аннексированного Крыма) около 15 миллионов номинально являются мусульманами³, в том смысле, что они принадлежат к этнической группе, культурное наследие которой в основном связано с исламом. Конечно, не все из них верующие, и ещё меньшее количество практикует ислам. Некоторые идентифицируют себя в основном с определённой национальностью, не придавая значения религии; многие сочетают этническую и религиозную идентичность; меньшинство считает религиозную принадлежность главным критерием своей идентичности.

К этим 15 миллионам номинальных мусульман следует добавить от 2 до 3 миллионов официально зарегистрированных трудовых мигрантов (количество нелегальных мигрантов по определению с трудом подвергается точной оценке)⁴ из бывших советских республик, принадлежащих к мусульманской культуре (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Азербайджан). Эти мигранты могут пребывать в России различные сроки, но многие из них планируют остаться и интегрироваться в российское общество, и, как и во многих европейских странах, в крупнейших российских мегаполисах возникает феномен «второго поколения

3. Это число основано на данных переписи населения 2010 года (и её обновлений) и включает всё мусульманское по своей культуре население. Оно подтверждается опросом, проведённым Pew Research Center в 2017 году, в котором 10% населения России (около 14,5 млн. человек) назвали себя мусульманами: Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe // Pew Research Center. 10 мая 2017. www.pewforum.org.

4. О дебатах относительно данных по миграции см. *Denisenko M.* «Migration to Russia and the Current Economic Crisis», в: *Pikulicka-Wilczewska A., Uehling G. (ред.) Migration and the Ukraine Crisis: A Two-Country Perspective.* Bristol: E-International Relations. 2017.

мигрантов». Россия также сталкивается с массивными потоками внутренней миграции: каждый год от 5 до 6 миллионов российских граждан перемещаются внутри страны, значительная часть из них – выходцы с Северного Кавказа, переезжающие в другие регионы страны. В частности, Дагестан имеет отрицательное сальдо миграции, составляющее десятки тысяч человек в год⁵.

Как и остальные сограждане, российские мусульмане живут в различных социально-экономических и культурных условиях. «Архипелаг Россия» – метафора, используемая для описания крайней территориальной и социально-экономической фрагментации страны⁶, применима и к ним⁷. Можно выделить по крайней мере четыре различных контекста проживания российских мусульман.

Во-первых, Северный Кавказ и Волго-Уральский регион, где мусульмане проживают на своих исконных территориях и не могут считаться диаспорой. Северный Кавказ отличается от остальной России по многим параметрам, включая географическую удалённость и небольшое число этнических русских: они составляют около 30% населения в Карачаево-Черкесии и около 22% в Кабардино-Балкарии, но лишь 3% в Дагестане и менее 1% в Чечне⁸. В Волго-Уральском регионе татары и башкиры почти столь же многочисленны, что и этнические русские. Они лучше интегрированы в рамки федерации и в российскую культуру, чем северокавказские народности, но тоже проживают на исконно мусульманской земле, поскольку этот регион был обращён в мусульманство ещё в IX веке.

В недавнем прошлом в двух других регионах появились крупные мусульманские общины. Речь идёт о Московской области и Западной Сибири. В Московской области проживает около 2 миллионов мусульман, включая как российских граждан, так и мигрантов из ближнего зарубежья, что делает её одной из

5. Мкртчян Н., Карачурина Л. Миграция в России. Потоки и центры притяжения // Демоскоп Weekly. № 595–596. 21 апреля – 4 мая 2014.

6. Zubarevich N. «Four Russias: Rethinking the Post-Soviet Map», в *Regionalism(s): A Variety of Perspectives from Europe and the Americas*. Innsbruck: Institut für Föderalismus. 2014. Сс. 71-88.

7. Силантьев Р.А. и др. Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации». Москва: Инкотэк. 2018.

8. Radvanyi J., Beroutchachvili N. Atlas géopolitique du Caucase [Геополитический атлас Кавказа]. Paris: Autrement. 2010.

столиц российского ислама. Здесь расположен один из главных исламских институтов страны – Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), возведена главная соборная мечеть России⁹, а также находится центр по производству халяльных продуктов, которые поставляются затем на всю территорию России и на постсоветское пространство.

Западная Сибирь, особенно богатые Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, стали новым домом для десятков тысяч мусульман с Северного Кавказа, из Волго-Уральского региона, Азербайджана и Средней Азии, мигрировавших туда с 1960-х годов для работы на нефтяных и газовых месторождениях. Эти мигранты, которые сегодня контролируют значительную часть неформального и розничного рынков (транспорт, продукты питания, одежда и мебель для дома) Западной Сибири, оказались настолько финансово успешны, что в их странах или регионах происхождения стало модным выходить замуж за «северянина» – мигранта, добившегося успеха в Западной Сибири¹⁰.

Помимо этих четырёх регионов мусульмане обосновались во всех крупных городах России, включая Владивосток и Южно-Сахалинск. Исламские общины развиваются в городах Крайнего Севера, например, в Норильске, так что Россия может гордиться обладанием самой северной мечетью (конкурируя с Канадой, поскольку бурно развивающийся нефтяной регион Альберта насчитывает несколько небольших мечетей)¹¹. Мусульмане с Северного Кавказа, из Узбекистана и Таджикистана также оседают в российских сельских регионах, где они обрабатывают сельскохозяйственные земли, зачастую заброшенные коренным населением. Таким образом, мусульманские общины оказываются теперь рассеянными по всей территории России, не ограничиваясь двумя регионами исторического существования ислама.

9. *Turaeva R.* Imagined Mosque Communities in Russia: Central Asian Migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. Т. 20. № 2. 2019. Сс. 131-147.

10. *Yarlykapov A.* Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // *Problems of Post-Communism*. Т. 67. №. 4-5. 2020. Сс. 338-347.

11. *Laruelle M, Hohmann S.* Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities // *Problems of Post-Communism* Т. 67. № 4-5. 2020. Сс. 327-337.

Институциональное разнообразие

Российский ислам впечатляет своим разнообразием не только в географическом, но и в институциональном плане. Хотя ислам не признаёт духовные институты в качестве обязательных посредников между людьми и богом, в Российской империи – как и в Османской – были созданы централизованные органы, представляющие ислам.

Все существующие сегодня в России муфтияты ведут начало от Оренбургского магометанского духовного собрания, основанного в 1788 году императрицей Екатериной II. После признания религий Сталиным в 1942 году, в Уфе было создано Центральное духовное управление мусульман России (ЦДУМР), которое с 1980 года возглавляет верховный муфтий Талгат Таджуддин. После распада Советского Союза центробежные тенденции коснулись и ислама, что привело к возникновению нескольких независимых муфтиятов, представляющих Башкортостан, Татарстан и Северный Кавказ. Затем появилось московское Духовное управление мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ), возглавляемое муфтием Равилем Гайнутдином. ДУМ РФ сегодня является главным конкурентом уфимского Духовного управления: эти две структуры соперничают за право выступать от имени мусульман страны, борются за принадлежность мечетей и за символическое признание Кремлём¹².

Однако эти два института и их более мелкие конкуренты – около 60-ти легально признанных муфтиятов – далеко не охватывают весь спектр исламской религиозной администрации в России. Хотя большинство российских мусульман относятся к суннитам (около 90%), они могут принадлежать к различным мазхабам (школам исламского права), в основном ханафитского и, в меньшей степени, шафиитского толка, что может создавать некоторую внутриобщинную напряжённость. Кроме того, остаётся обособленным небольшое шиитское меньшинство, состоящее в основном из азербайджанцев.

При этом в любой мусульманской общине могут возникнуть свои неформальные лидеры, снискавшие поддержку благодаря своим знаниям. За последние три десятилетия ислам в России глобализовался, и молодое поколение склонно искать

12. Bekkin R. People of Reliable Loyalty... Muftiates and the State in Modern Russia. PhD diss. Södertörn University. 2020. <https://bibl.sh.se>.

религиозное наставничество за пределами страны. В то время как российское законодательство жёстко ограничивает официальную иностранную финансовую поддержку ислама, направленную, например, на строительство мечетей, неформальное иностранное влияние гораздо труднее держать под контролем. Зарубежным проповедникам из Турции, Египта, Саудовской Аравии и других стран удаётся переводить свои труды на русский язык, что позволяет им распространять своё толкование ислама среди российских мусульман. Этот плюрализм усиливается двусмысленным статусом духовных управлений, которые зачастую воспринимаются скорее как административные органы, созданные светскими государственными структурами и используемые ими для управления мусульманским населением, чем как инициированные снизу объединения.

Более широкий контекст: секьюритизация ислама

Во всём мире, особенно в странах с немусульманским большинством, исламская повестка была «секьюритизирована», то есть восприятие угрозы и даже страх перед «исламским радикализмом» оказался доминирующим в нарративе и государственной политике в отношении мусульман, что привело к необходимости адаптировать все остальные темы, связанные с исламом, к контексту угрозы¹³.

В России процесс секьюритизации ислама начался раньше, чем в Европе, по причине сначала афганской (1979-1989), а затем двух чеченских войн (1994-1996 и 1999-2000), в ходе которых нарративы национализма и национального освобождения были заменены или, по крайней мере, оказались тесно связанными с темами реисламизации и, в радикально настроенной среде, священной войны (джихада). Несмотря на внутренние корни, секьюритизация ислама в России также испытала западное влияние в рамках исходящего из США нарратива войны с террором и растущей полемики вокруг ислам(изм)а в Европе¹⁴. Секьюритизация ислама в России принимает по крайней мере две формы: законодательную и социокультурную.

Законодательная секьюритизация: борьба с экстремизмом

Россия имеет долгий опыт исламского терроризма, приобретённый в результате двух войн в Чечне и постоянной нестабильности в соседних Дагестане и Ингушетии. В 2000-х годах теракты вышли за пределы Северо-Кавказского региона и затронули крупные российских мегаполисы: несколько терактов произошли в Москве, Санкт-Петербурге и Волгограде¹⁵. В период

13. *Dannreuther R.* «Russian Discourses and Approaches to Islam and Islamism», в *Dannreuther R., March L. (ред.) Russia and Islam: State, Society and Radicalism.* London: Routledge. 2010. Сс. 9-25. См. также. *Aitamurto K.* Protected and Controlled: Islam and 'Desecularisation from Above' in Russia // *Europe-Asia Studies.* Т. 68. № 1. 2016. Сс. 182-202.

14. *Malakhov V., Letnyakov D.* The Perception of Islam in Russia: The Comparative Dimension // *State, Religion and Church.* Т. 5. № 2. 2018. Сс. 4-22.

15. *Holland E.C., Witmer F.D.W., O'Loughlin J.* The Decline and Shifting Geography of Violence in Russia's North Caucasus, 2010-2016 // *Eurasian Geography and Economics.* Т. 58. № 6.

разгара гражданской войны в Сирии и роста ИГИЛ от 3 500 до 5 000 российских граждан отправились воевать на стороне ИГИЛ и Аль-Каиды. Российские правоохранительные органы придерживались политики бездействия, потворствуя отъезду боевиков, лишавшему пополнения Кавказский эмират¹⁶. Последний крупный теракт на территории России, в результате которого погибли 15 человек и еще около 50 получили ранения, произошёл в метро Санкт-Петербурга в 2017 году. Террористическая активность боевиков сохраняется, хотя и на низком уровне, и сейчас, особенно на Северном Кавказе. Так в 2019 году в стране произошло по меньшей мере четыре теракта, совершённых террористами-одиночками, главным образом в Южном федеральном округе и в Московской области¹⁷. В целом за последнее десятилетие снижение уровня насилия, совершаемого во имя ислама, можно объяснить как сокращением активности ИГИЛ и Кавказского эмирата на территории России, так и улучшением системы контроля со стороны правоохранительных органов.

Хотя правовые инструменты российского антиэкстремистского законодательства постепенно совершенствуются, оно остаётся расплывчатым в определении экстремизма¹⁸. Это понятие используется в отношении политических оппонентов, а также применяется самими муфтиятами как способ запугивания конкурентов, в том числе на Северном Кавказе¹⁹. В то время как определение деятельности Аль-Каиды, Исламского государства или Кавказского эмирата как террористической не вызывает никаких вопросов, включение в этот список движения Хизб ут-Тахрир было расценено некоторыми правозащитными ассоциациями как юридически необоснованное, поскольку эта международная фундаменталистская политическая партия, заявленной целью которой является установление всемирного халифата, никогда не прибегала к насилию. Однако Европейский суд по правам человека, в который обратились два члена группы с надеждой на

2017. Сс. 613-641. См. также *Ratelle J.-F., Souleimanov E.A.* A Failed Counterinsurgency or a Model of Normalization? Making Sense of Chechenisation // *Europe-Asia Studies*. Т. 68. №. 8. 2016. Сс. 1287-1314.

16. *Ratelle J.-F.* Caucasian Foreign Fighters in Syria and Iraq: Understanding the Threat of Returnees in the North Caucasus // *Caucasus Survey*. Т. 4. № 3. 2016. Сс. 218-238.

17. State Department. Country Reports on Terrorism: Russia. state.gov. 2019. www.state.gov.

18. *Verkhovskiy A.* «The State against Violence in Spheres related to Religion», в *Oliker O. (ред.)* Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations, and Policy. Washington DC: The Center for Strategic and International Studies. 2018. Сс. 11-42.

19. *Бобровников В.* Исламофобия и религиозное законодательство в Дагестане // *Central Asia and Caucasus* № 8. 2000. www.ca-c.org.

отмену решения России, счёл, что российские власти обоснованно наложили запрет на это движение на том основании, что Хизб ут-Тахрир призывает к свержению существующих политических систем и установлению диктаторского режима, не гарантирующего защиту демократических прав²⁰.

С тех пор два других исламских движения были классифицированы российским законодательством как экстремистские, хотя во многих европейских странах они таковыми не считаются. Первое – Таблиги Джамаат – крупнейшее исламское проповедническое движение, отличающееся пиетизмом и не призывающее к насилию²¹. Второе – Нурджулар (последователи Саида Нурси и Фетхуллага Гюлена), также не призывающее к насилию, но частично радикализовавшееся в ходе противостояния с режимом Эрдогана в Турции. К этим трём группам, попавшим под запрет российского законодательства, следует добавить несколько крымско-татарских организаций, оказавшихся в сложной ситуации после аннексии полуострова Россией в 2014 году: им было отпущено всего три месяца на то, чтобы избавиться от публикаций, включённых в российский список экстремистской литературы, и некоторые из них впоследствии были оштрафованы за хранение запрещённых материалов²².

Российские государственные институты используют различные определения для идентификации тех, кто должен быть осуждён за экстремизм. У Федеральной службы безопасности (ФСБ) имеется список запрещённых движений, а у Министерства юстиции имеются собственные списки экстремистских организаций, лиц, входящих в эти организации, и материалов (книги, брошюры, публикации в интернете, песни и видеоролики), которые оно расценивает как экстремистские. Разжигание ненависти – призывы к межэтническому насилию или терроризму – может преследоваться по нескольким различным статьям Уголовного кодекса. И последнее, но не менее важное: с 2012 года Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) запустила механизм интернет-

20. Верховский А. Является ли Хизб ут-Тахрир экстремистской организацией? // Центр СОВА. 6 февраля 2006. www.sova-center.ru.

21. В соответствии с данными на 17 января 2017 года.

22. См., например: В Евпатории суд оштрафовал имама за хранение запрещённой литературы // Центр СОВА. 28 ноября 2016. www.sova-center.ru; Руководитель джанкойского медресе оштрафован за хранение литературы // Центр СОВА. 26 августа 2014. www.sova-center.ru.

фильтрации на основе реестра запрещённых сайтов, в основном распространяющих запрещённую литературу, в том числе исламскую²³.

В таблицах 1, 2 и 3 приведены данные о вынесенных судом наказаниях за участие в экстремистских и террористических организациях, за экстремистские высказывания и за хранение материалов экстремистского содержания в период с 2016 по 2020 годы. В приведённых данных, собранных московским Центром СОВА, содержится информация об общем количестве осуждённых лиц и организаций, а также запрещённых материалов; о количестве случаев, которые касаются мусульман; и о количестве дел, решения по которым юридическая служба Центра СОВА считает неправомерными.

Как можно заметить, мусульмане составляли большинство среди осуждённых за участие в экстремистских и террористических организациях (в основном, за принадлежность к Хизб ут-Тахрир и Таблиги Джамаат) до 2019 года, после чего их число снизилось. Среди граждан России, осуждённых за экстремистские высказывания, мусульмане составляют лишь небольшую часть, а большинство в этой категории составляют русские националисты, неонацисты и расисты, борьба с которыми становится всё более интенсивной. То же касается и списков запрещённых материалов: тексты, идентифицированные как исламистские, составляют лишь небольшую часть всего спектра запрещённой литературы, в то время как большинство запрещённых текстов относится к ультраправым группам.

Таблица 1. Число российских граждан, осуждённых за участие в экстремистских и террористических организациях, 2016-2020 гг.

Год	Общее число	Случаи с участием мусульман	Количество решений по делам с участием мусульман, признанных Центром СОВА юридически неправомерными
2016	61	41	37
2017	89	79	74
2018	91	76	76
2019	122	88	74
2020	124	44	38

Источник: Центр СОВА.

23. Federal Law of Russian Federation no. 139-FZ «On Amendments to the Federal Law ‘On Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development’ and to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Kremlin. 30 июля 2012. <http://en.kremlin.ru>.

Таблица 2. Число российских граждан, осуждённых за экстремистские высказывания, 2016-2020 гг.

Год	Общее число	Мусульмане	Количество решений по делам, с участием мусульман, признанных Центром СОВА юридически неправомерными
2016	254	16	4
2017	276	27	6
2018	238	14	2
2019	126	22	3
2020	136	41	12

Источник: Центр СОВА.

Таблица 3. Федеральный список запрещённых экстремистских материалов, 2016-2020 гг.

Год	Общее число	Принадлежащие исламским боевикам	Принадлежащие другим мусульманским организациям	Количество решений, признанных центром СОВА юридически неправомерными
2016	785	69	18	7
2017	330	30	13	7
2018	466	43	61	22
2019	193	16	3	3
2020	139	15	1	0

Источник: Центр СОВА.

На основании анализа, проведённого Центром СОВА, можно сделать вывод о том, что российское законодательство не преследует институты или представителей ислама больше, чем другие группы, считающиеся экстремистскими – в частности, оно направлено в большей степени против русских националистических групп, чем против исламских движений – однако включение движений Таблиги Джамаат и Нурджулар в список экстремистских является чрезмерным и юридически необоснованным с точки зрения европейских стандартов.

Другая форма секьюритизации ислама наблюдается в сфере СМИ, где российские таблоиды, а также основные телевизионные каналы, особенно провокационные ток-шоу, представляющие жанр *agitation*, транслируют классические нарративы, смешивающие ислам, исланизм и трудовых мигрантов²⁴. Эти нарративы поддерживаются некоторыми

24. Hutchings S., Tolz V. (ред.) Nation, Ethnicity and Race on Russian Television. Mediating Post-Soviet Difference. London: Routledge. 2015. См. также Tolz V., Teper Y. Broadcasting

российскими политическими фигурами, включая провокационного ультраправого политика Владимира Жириновского, а также бывшего лидера партии «Родина» Дмитрия Рогозина, известных своими исламофобскими высказываниями²⁵.

Социокультурная секьюритизация: место ислама в общественном пространстве

Вторая тенденция в области секьюритизации ислама прослеживается в оживлённых спорах о том, какое место следует отвести исламу в публичном пространстве России²⁶. Эти споры могут принимать различные формы от правомерных дискуссий о проблеме уважения религиозных чувств в светском государстве до выражения исламофобских взглядов и настроений.

В России данные о проявлениях агрессии против мусульман не вызывают доверия по двум причинам: во-первых, сообщения о подобных актах редко поступают в правоохранительные органы, особенно если эти акты были совершены сотрудниками полиции; во-вторых, имеющиеся статистические данные отражают акты агрессии, совершённые не на религиозной, а скорее на этнической почве. В зависимости от используемых методов подсчёта, агрессия в отношении мусульман составляет от 30 до 60 процентов от всех случаев проявления агрессии на этнической почве, зарегистрированных Центром СОВА²⁷. Однако процент явных актов агрессии на религиозной почве – то есть случаев, когда нападения сопровождалось исламофобскими высказываниями – невелик. Акты вандализма в отношении мусульманских объектов, в основном кладбищ или молелен, происходят регулярно, так же, как и случаи сжигания Корана (трудно поддающиеся учёту, поскольку российская судебная

Agitainment: a New Media Strategy of Putin's Third Presidency // *Post-Soviet Affairs*. Т. 34. № 4. 2018. Сс. 213-227.

25. См. *Strovsky D.* «Islam in the Russian Media», в *Simons G., Shiraev E., Shterin M. (ред.) Islam in Russia: Politics and Society at Home and Abroad* (в печати).

26. См. *Рогозина С.* Защищая «традиционный» ислам от «радикального»: Дискурс исламофобии в российских СМИ // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. Т. 2. № 36. 2008. Сс. 272-299; *Laruelle M., Yudina N.* «Islamophobia in Russia: Trends and Societal Context», в *Oliker O. (ред.) Religion and Violence in Russia: Context, Manifestations, and Policy*. Washington DC: The Center for Strategic and International Studies. 2018. Сс. 43–63.

27. Более подробные сведения об агрессиях, совершённых радикальными националистами в последние годы, можно найти в ежегодных отчётах Центра СОВА: www.sova-center.ru.

система не предоставляет о них никаких данных), в то время как исламофобские комментарии чаще всего встречаются в интернете на сайтах русских националистов.

На глобальном уровне, международное исследование, проведённое Pew Research Center, показывает, что российское общество меньше озабочено проблемами «экстремизма», чем европейская аудитория, и в целом проявляет меньше исламофобских (но больше ксенофобских) настроений²⁸. Отчасти это можно объяснить тем, что в российском политическом пространстве акцент делается на «этническом сепаратизме», а не на «религиозном экстремизме». Это подтверждают опросы, проведённые Левада-Центром с 2008 по 2012 годы, показывающие, что в списке врагов России исламисты расположены после чеченских повстанцев, США и НАТО²⁹. Однако негативное восприятие ислама начало расти с 2015 года в связи с терактами, совершёнными против редакции Charlie Hebdo и в «Батаклане». Так, доля респондентов, положительно относящихся к исламу, сократилась с 14% в 2008 году до 8% в 2015 году, а негативные ответы выросли с 29% до 50%³⁰. Последний имеющийся в нашем распоряжении опрос Левада-Центра, проведённый в конце 2017 года, показывает, что ислам по-прежнему оценивается положительно – в меньшей степени, чем православие, но в большей, чем протестантизм.

Таблица 4. Опрос Левада-Центра, «Как Вы относитесь к мусульманам», 2008-2017 гг.

	2008	2017
Очень положительно	23%	18%
В какой-то мере положительно	27%	31%
Ни положительно, ни отрицательно	32%	31%
В какой-то мере отрицательно	6%	10%
Очень отрицательно	2%	4%

Источник: Опрос Левада-Центра, 23 января 2018 г. www.levada.ru.

Как и в Европе, общественное мнение в России разделилось по вопросам, связанным с демонстрацией принадлежности к исламу, причём особую напряжённость вызывают темы одежды

28. Poushter J. Extremism Concerns Growing in West and Predominantly Muslim Countries // Pew Research Center. 6 июля 2015. www.pewglobal.org.

29. Общественное мнение 2012. Москва: Левада-Центр. 2012. С. 198.

30. Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-Центр. 29 января 2015. www.levada.ru.

и строительства мечетей. В 2015 году опрос Левада-Центра показал, что около трёх четвертей (74%) респондентов отрицательно относятся к хиджабу (36% скорее не одобряют и 38% определённо не одобряют), причем наибольшая доля негативных реакций наблюдается в Москве (91%)³¹. Случаи дискриминации лиц, идентифицированных как мусульмане по их одежде, были зарегистрированы в больницах, на предприятиях и в общественном транспорте.

Однако камнем преткновения в спорах о мусульманских предметах одежды стала проблема ношения хиджаба в школах и высших учебных заведениях. Как и в остальной Европе, вопрос о допустимости ношения хиджаба в школе стал символическим полем битвы между светскими и религиозными нормами в общественном пространстве. В России не существует федерального закона, запрещающего ношение хиджаба в учебных заведениях. Поэтому решение остаётся на усмотрение региональных или местных властей, а иногда и самих директоров школ. В традиционно мусульманских регионах терпимость к ношению хиджаба всегда была выше. Однако во многих регионах страны девочек в хиджабах не допускают в класс. Эта проблема особенно часто возникает в регионах, исторически не являющихся мусульманскими, но в которых сегодня проживают довольно крупные мусульманские общины, таких как Ставрополь, Волгоград и Ульяновск, а также в Татарстане, где население почти поровну делится на этнических русских и татар.

Так же, как и в Европе, другим острым вопросом является строительство новых мечетей или молитвенных домов. Исчерпывающих данных по этой теме не существует, но Центр СОВА фиксирует ежегодно от 6 до 14 акций протеста вокруг проекта строительства новой мечети³². В 2015 году Левада-Центр провёл опрос о восприятии новых культовых религиозных зданий, продемонстрировавший разрыв в отношении к православным и к мусульманским местам отправления культа: 60% респондентов заявили, что вполне или скорее положительно относятся к строительству новой церкви, в то время как лишь 29% дали такие же ответы относительно мечети³³.

Строительство новых мечетей вызывает два вида проблем: юридические затруднения на уровне местной администрации и

31. Россияне не поддержали ношение хиджабов в учебных заведениях // Левада-Центр. 30 июня 2015. www.levada.ru.

32. Согласно данным на конец ноября 2016 года.

33. Теракт в Париже: карикатуры, ислам, запреты // Левада-Центр. 29 января 2015. www.levada.ru.

протесты со стороны некоторых групп населения³⁴. Против возведения исламских культовых сооружений иногда выступают местные власти, которые отказываются выдавать разрешения на строительство. Чаще, однако, негативная реакция исходит от населения – нередко, хотя и не систематически, при руководящей роли определённых националистических групп – и приводит к принятию муниципальными властями решения о прекращении строительства. Самым ярким примером является, пожалуй, Москва, где проживает около двух миллионов мусульман, но действует всего пять мечетей. Мэр Москвы Сергей Собянин неоднократно заявлял, что в городе имеется достаточно мусульманских мест отправления культа, поскольку большинство мусульман – мигранты, а значит, проживают в Москве временно³⁵. Стремясь переложить проблему на других, Собянин предложил строить новые мечети и молельные дома не в самой Москве, а в Московской области, где их сейчас насчитывается девятнадцать. Однако Духовное управление мусульман сообщило о возникновении напряжённости в районах, где планировалось строительство мечетей, и лишь немногие новые проекты удалось реализовать³⁶.

34. Более подробную информацию можно найти в годовых отчётах Центра СОВА. См. также: Сибирева О. Проблемы реализации свободы совести в России в июле – сентябре 2016 года // Центр СОВА. 23 ноября 2016. www.sova-center.ru.

35. Собянин: Мечетей в Москве достаточно // Росбалт. 13 октября 2016. www.rosbalt.ru.

36. Мусульмане просят у главы Подмосковья место под мечеть // Рахман. 7 февраля 2013. <http://mro-rahman.ru>.

Утверждение «русскости» ислама

Тенденция к секьюритизации уравнивается активностью, которую проявляют исламские организации и мусульманское население с целью продемонстрировать их соответствие российским гражданским нормам. Прежде чем обратиться к вопросу о ключевой роли ислама в российских политических и культурных дебатах, необходимо упомянуть о терминологической тонкости, лежащей в основе вопроса о «русскости» ислама и связанной с наличием в русском языке двух терминов: «русский», относящийся к этнической или культурной идентичности, и «российский», относящийся к гражданской идентичности.

В начале 2000-х годов Сергей Кириенко, на тот момент занимавший пост полномочного представителя Президента в Приволжском федеральном округе, и его команда предложили понятие «русского ислама», то есть ислама, принадлежащего русской культуре и русскому языку. Однако это понятие, призванное продемонстрировать интеграцию ислама в общероссийские рамки, подверглось резкой критике со стороны многих мусульманских лидеров, особенно в этнических республиках, за размывание этнической специфики в более масштабной русской культуре³⁷. С тех пор муфтияты начали распространять понятие «российский ислам» или «ислам России», как способ сохранить элемент мультиэтничности, настаивая при этом на законном месте ислама в России. Однако и это понятие вызывает нарекания, поскольку прилагательное «российский» зачастую либо ассоциируется с вызывающим критику ельцинским периодом, либо расценивается как лишённая смысла административная категория.

37. Graney K. «Russian Islam' and the Politics of Religious Multiculturalism in Russia», в Ariel D., Ruble B.A (ред.) *Rebounding Identities: The Politics of Identity in Russia and Ukraine*. Washington D.C.: Woodrow Wilson Center Press. 2006. 89–115.

Мусульманские регионы как опора путинского режима

Как и любой так называемый гибридный режим, для функционирования и обеспечения законности, не прибегая к репрессивному аппарату, власть Владимира Путина нуждается в народной поддержке. Поскольку в главных городах страны, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, поддержка президентской партии «Единая Россия» снижается, режиму приходится всё больше полагаться на «периферию», то есть на сельские регионы и этнические республики³⁸.

Среди последних, мусульманские республики, по всей видимости, имеют исключительно важное значение для электоральной стабильности режима³⁹. Рассматривая результаты президентских выборов (2000, 2004, 2008, 2012, 2018 годов), парламентских выборов (2003, 2007, 2011, 2016 годов) и конституционного референдума июля 2020 года, Самуэль Сорокин приходит к выводу о том, что шесть основных мусульманских республик – Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан и Башкортостан – отдают в среднем 84% своих голосов президенту и «Единой России». На четырёх последних президентских выборах Владимир Путин (Дмитрий Медведев в 2008 году) получил в этих республиках в среднем 88,5% голосов по сравнению с 67% в целом по стране, а на парламентских выборах «Единая Россия» получила в среднем 79,5% по сравнению с 55,86% в целом по стране⁴⁰, что делает мусульманские республики частью станового хребта режима, играющего центральную роль в обеспечении его электоральной легитимности. Этот феномен, названный политологом Дмитрием Орешкиным «электоральными султанатами»⁴¹, объясняется сочетанием массовых фальсификаций на выборах, использования «административного ресурса» для оказания давления на население, чтобы принудить его прийти на

38. Rogov K. Administrative Mobilization and the Dynamics of Electoral Manipulations on Putin's Presidential Election // PONARS Eurasia Policy Memo. 20 августа 2018. www.ponarseurasia.org.

39. Gerber T. Political and Social Attitudes of Russia's Muslims: Caliphate, Kadyrovism, or Kasha? // PONARS Eurasia Policy Memo. 5 апреля 2017. www.ponarseurasia.org.

40. Sorokin S.A. Eurasianism and Political Islam in Russia: Ethnoreligious Identities in Transformation, 1990-2020. PhD diss. European University Institute. 2021. Сс. 266.

41. Орешкин Д. Ресурс для электоральных султанатов // Svop.ru. 9 июня 2017. <http://svop.ru>.

избирательные участки и проголосовать «правильно», и поддержки населением власть имущих, зачастую сопровождающейся имплицитным представлением о политике как об обмене услугами («если мы их поддержим, они удовлетворят наши требования»).

Второй аспект, обеспечивающий центральную роль мусульманским регионам, связан с федеральным устройством России. В ходе президентства Путина была осуществлена рецентрализация страны, и многие компоненты федерализма – децентрализованная налоговая политика, право на обучение на национальных языках и т.д. – были частично ликвидированы. Если в некоторых регионах, в частности, в Татарстане, напряжённость вызывают вопросы преподавания национальных языков⁴², на Северном Кавказе сохраняется неформальный федерализм, касающийся судебной системы. Это относится не только к Чечне, чьё исключительное положение вне российского правового поля хорошо известно и объясняется историческими и политическими причинами, но и ко всему региону.

Региональное обычное право (*адат*), а также, в некоторых случаях, шариат, получают всё большее признание в качестве неотъемлемой части неформальной правовой системы, альтернативной официальным судам, имеющим репутацию медлительных и коррумпированных⁴³. Получает всё более широкое распространение практика не регистрируемых в государственных органах религиозных браков (*никах*), как способ обойти российское законодательство, не признающее многожёнство. В 2020 году московское Духовное управление мусульман России даже опубликовало запрет на браки между мусульманскими мужчинами и немусульманскими женщинами, решение, которое всё же подверглось критике со стороны многих других исламских институтов в России как идущее вразрез с принципом национального согласия в стране⁴⁴. Очевидно, что эти тенденции не укладываются в западноцентричное понимание федерализма как демократической децентрализации, а, скорее, подтверждают остающееся влиятельным многовековое имперское наследие правового плюрализма.

42. Yusupova G. Why Ethnic Politics in Russia Will Return // PONARS Eurasia Policy memo. № 584. 26 марта 2019. www.ponarseurasia.org.

43. Lazarev E. Laws in Conflict: Legacies of War, Gender, and Legal Pluralism in Chechnya // World Politics. Т. 71. №. 4. 2019. Сс. 667-709.

44. Mixed Marriage Ban for Russian Muslims Sparks Backlash // The Moscow Times. 12 ноября 2020. www.themoscowtimes.com.

Ислам как неотъемлемая часть «консервативного поворота» режима

Помимо обеспечения электоральной предсказуемости для режима в его поисках народной поддержки, мусульманские республики России играют центральную роль в сопровождении, а иногда и опережении последовательной институционализации консервативных ценностей.

Как отмечалось в статье, опубликованной Ифри в 2017 году⁴⁵, идеология, созданная Рамзаном Кадыровым, с тех пор как он занимает пост главы Чечни, смогла совместить воинствующий патриотизм, пропагандирующий поддержку президента Путина, и классические взгляды на Россию как православную и этнически славянскую страну, с одной стороны, и ультраконсервативный ислам, пронизанный исламским пуританизмом и решительным антизападничеством, с другой. Хотя чеченские власти проповедуют так называемый традиционный ислам, основанный на чеченском фольклоре и суфийской традиции, он отличается от официального традиционного ислама своей крайне консервативной интерпретацией религиозных норм. Он не является салафитским, поскольку не ограничивается Кораном и хадисами пророка Мухаммеда, но и придерживается принципов шариата в области морали и поведения. Так, в нём строго контролируются употребление алкоголя и прослушивание западной музыки, официально запрещены азартные игры. В рамках так называемой программы «морализации» ношение хиджаба в общественных местах становится теперь практически обязательным. Кадыров лично публично выступает с заявлениями о том, что статус женщин ниже, чем статус мужчин, призывает узаконить преступления в защиту чести и выступает за многожёнство.

Даже если не рассматривать крайний случай кадыровизма, можно утверждать, что ислам России одобрительно отнёсся к так называемому «консервативному повороту» режима. Несмотря на отсутствие полных социологических данных, известно, что российские граждане, идентифицирующие себя как мусульмане, чаще верят в существование бога, чем те, кто считает себя

45. Ларюэль М. «Кадыровизм»: ислам на службе у Кремля? // Russie.NEI.Visions. № 99. Март 2017. www.ifri.org.

православными христианами⁴⁶. Мусульмане Северного Кавказа статистически гораздо чаще, чем население в целом, выступают против иностранного финансирования отечественных НПО, наблюдающих за выборами или занимающихся экологическими проблемами, а также выражают неприязнь к гомосексуалистам⁴⁷. Аналогичным образом, проведённый весной 2021 года опрос LegitRuss подтверждает, что жители Северного Кавказа выступают наиболее яркими защитниками гетеросексуальных браков⁴⁸.

Муфтияты играют активную роль в продвижении этих традиционных ценностей. К примеру, Духовное управление мусульман Башкортостана, организует «курсы подготовки к семейной жизни», которые проводятся в мечети для молодых людей, готовых к вступлению в брак⁴⁹. Муфтияты также активно участвовали в дискуссиях вокруг поправок к Конституции 2020 года с тем, чтобы закрепить в ней гетеросексуальные браки. Так, лидер Духовного управления мусульман Татарстана Камиль Самигуллин заявил, что Конституция России должна закрепить «традиционные моральные ценности», главная из которых заключается в том, что семья может быть создана только «союзом мужчины и женщины»⁵⁰.

Опрос 3 000 респондентов, проведенный в 2016 году в Дагестане группой учёных из Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) и Института экономической политики им. Гайдара, также даёт представление – пусть и неполное – о моральных ценностях дагестанского населения. Например, он показывает, что молодёжь Дагестана гораздо больше придерживается религиозных убеждений, чем старшее поколение. Среди наиболее заметных различий между дагестанцами и большинством россиян – выраженное гендерное разделение труда (лишь 7% мужчин, имеющих маленьких детей, позволили бы своим жёнам работать, даже если бы дети в это

46. Верховенство права // Левада-Центр. 20 мая 2020. www.levada.ru.

47. Gerber T. Political and Social Attitudes of Russia's Muslims. Op. cit.

48. «LEGITRUSS: Values-Based Legitimation in Authoritarian States: Top-Down versus Bottom-Up Strategies—The Case of Russia», funded by the Research Council of Norway. Project number 300997.

49. Современная семья требует новых подходов для её сохранения — при мечетях начнут действовать комнаты семейной консультации // Духовное управление мусульман России. 20 августа 2021. <https://dumrb.ru>.

50. Конституции хотят добавить духовности // Коммерсантъ. 30 января 2020. www.kommersant.ru.

время находились под присмотром бабушек и дедушек) и более высокий уровень гомофобии (94% негативных ответов)⁵¹.

Теологическая русификация российского ислама

Русификация ислама происходит и на теологическом уровне. В России регулирование ислама – как и всех религий – берёт начало в советском периоде. Авторитарный, атеистический советский режим опасался религий как потенциальных конкурентов в борьбе за идеологическую легитимность⁵². Сегодня Россия признаёт четыре основные религии – православие, ислам, буддизм и иудаизм – как «традиционные» и поэтому наделяет их значительными правами: их представители участвуют в Межрелигиозном совете традиционных религий. Те конфессии, которые считаются «нетрадиционными», должны пройти более сложную процедуру для того, чтобы получить официальное признание. Разделение ислама на «традиционный» и «нетрадиционный» получает широкое распространение и становится не только компонентом самоидентификации общин и отдельных индивидов, но и средством регулирования внутриобщинных конфликтов, поскольку позволяет избавиться от конкурентов и идеологических соперников под предлогом их несоответствия «традиционному исламу»⁵³.

Понятие «традиционный ислам» концептуализировано самими исламскими богословами, в том числе татаринном Валиуллой Якуповым (1963–2012). В целом традиционный ислам означает лояльность по отношению к российскому государству, гражданский патриотизм и принятие многоконфессиональности России; приверженность ханафизму и его мазхабу; признание переплетения ислама с этническими характеристиками; почитание суфийских традиций⁵⁴. Это определение восходит к

51. Стародубровская И., Лазарев Е., Варшавер Е. Ценности дагестанских мусульман: что показал опрос // Кавказский узел. 2016. www.kavkaz-uzel.eu.

52. Aitamurto K. Discussions about Indigenous, National and Transnational Islam in Russia // *Religion, State and Society*. Т. 47. №. 2. 2019. Сс. 198–213; Aitamurto K. «The Approved and the Disapproved Islam in Russia», в *Simons G., Westerlund D. (ред.) Religion, Politics and Nation-Building in Post-Communist Countries*. London Routledge. 2015.

53. Bekkin R. People of Reliable Loyalty... Op. cit.

54. Bustanov A.K., Kemper M. (ред.) *Russia's Islam and Orthodoxy beyond the Institutions: Languages of Conversion, Competition and Convergence*. London: Routledge. 2020. Сс. 819–828. См. также: *Almazova L., Akhunov A.* In Search of 'Traditional Islam' in Tatarstan: Between National Project and Universalist Theories // *Context. Časopis za interdisciplinarne*

богословским дебатам, проходившим в Духовном управлении в советское время, когда исламские богословы различной принадлежности (ханафиты, суфии, сафии, ханбалиты...) работали над концептуализацией того, что в исламском учении может быть приемлемо в советских рамках, а что должно быть отвергнуто как чуждое⁵⁵.

Сегодня все неконформистские или нетрадиционные разновидности ислама объединяются под термином «салафизм» (ранее предпочтение отдавалось термину «ваххабизм»). В соответствии с этой интерпретацией, неконформистский ислам, если он не признан муфтиятом, с необходимостью расценивается как «иностранный» (арабский, тюркский, пакистанский...) и политически опасный, что приводит к смешиванию различного рода феноменов и групп. Так, очень небольшое меньшинство лиц, склонных к терроризму по религиозным или иным причинам, приравнивается к тем, кто стремится придать исламу статус политической идеологии (не обязательно прибегая к насилию), и к тем, кто выступает за буквальное прочтение Корана (салафиты) и полагает, что исламизация общества произойдёт постепенно и мирно.

Даже при недостатке данных глубинных опросов, исследования, проведённые среди различных мусульманских общин России, похоже, подтверждают растущую поляризацию между двумя интерпретациями ислама. С одной стороны, ислам как семейные традиционные религиозные, культурные и этнические практики, включающие соблюдение традиционных семейных праздников (*Ид аль-Адха*, известный в России как *Курбан-байрам*, и *Ид аль-Фитр* или *Ураза-байрам*) и ритуалов жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны). Это – так называемый «традиционный ислам», поддерживаемый государственными институтами и духовными управлениями. С другой стороны, ислам как более персонализированная практика, не связанная с семейными традициями или этнической принадлежностью, и определяемая личным выбором проповедников, часто неофициальных, не имеющих внутригосударственной институциональной легитимности. Эта вторая интерпретация противоречит общепринятому видению

studije. Т. 6. № 1. 2019. Сс. 11-46; Di Puppo L., Schmoller J. Here or Elsewhere: Sufism and Traditional Islam in Russia's Volga-Ural Region // Contemporary Islam. Т 14. № 2. 2020. Сс. 135–56.

55. *Tasar E.* Soviet and Muslim: The Institutionalization of Islam in Central Asia. Oxford: Oxford University Press. 2017.

ислама как части этнической культуры и поэтому рассматривается российским государством и исламскими институтами как «опасная» тенденция. Парадоксален тот факт, что стратегия муфтиятов по созданию «правильного ислама» привела к так называемой «суннизации» некоторых сегментов российского ислама, то есть постепенному формированию более доктринального ислама, способного претендовать на легитимность в теологических спорах с муфтиятами⁵⁶.

Рамки «традиционное против нетрадиционного» также определяют отношение российского государства к исламскому образованию, которое весьма напоминает усилия Франции по формированию «французского ислама», в котором религия и гражданский патриотизм были бы не только совместимы, но и тесно взаимосвязаны. В начале 1990-х годов Россия оказалась полностью открытой для иностранного религиозного влияния, как со стороны прозелитических протестантских групп, так и со стороны исламских движений, но эта временная ситуация вскоре изменилась по причинам, соответственно, возражений со стороны Русской православной церкви против деятельности других христианских конфессий и войны в Чечне. Иностранное финансирование строительства новых мечетей стало предметом пристального внимания со стороны государственных органов, а школы, открытые суфийским движением «Сулаймание» и движением «Нурсу», были закрыты в начале 2000-х годов.

С тех пор российское государство пытается контролировать исламское образование с целью надзора над теологическим выстраиванием российского ислама. В 2005 году Министерство образования запустило Программу содействия развитию религиозного (исламского) образования, гарантирующую более 4 миллиардов рублей инвестиций в развитие отечественного исламского образования до 2020 года⁵⁷. Если государство и духовные управления фактически вернули себе контроль над такими административными процессами, как финансирование мечетей и утверждение кандидатуры имама, то с феноменом зарубежного исламского образования дела обстоят сложнее. На сегодняшний день российские выпускники зарубежных исламских образовательных центров (в Египте, Турции,

56. *Di Puppo L.* The Paradoxes of a Localised Islamic Orthodoxy: Rethinking Tatar Traditional Islam in Russia // *Ethnicities*. Т. 19. № 2. 2019. Сс. 311-334.

57. *Almazova L.* «Mobile Actors in the Islamic Education of Post-Soviet Tatarstan», в *Laruelle M., Schmoller J. (ред.) Cultures of Islam: Vernacular Traditions and Revisionist Interpretations across Russia*. Washington DC: GWU Central Asia Program. 2021. Сс. 21-36.

Саудовской Аравии, Иордании, Сирии, Марокко, Тунисе, Малайзии, Индонезии) становятся всё более влиятельными в национальной системе исламского образования, о чём мы располагаем лишь частичными данными. Так, данные, полученные Лейлой Алмазовой для Татарстана, показывают, что 45% преподавателей религиозных курсов и арабского языка в Российском исламском институте являются выпускниками зарубежных программ, так же как и 70% преподавателей Казанского исламского университета и до 90% преподавателей Болгарской исламской академии. Остальные прошли обучение либо в России, либо в узбекском медресе Мир-и-Араб в Бухаре – историческом центре исламских знаний на постсоветском пространстве⁵⁸.

Православие и ислам: экуменическое партнёрство

Консервативные настроения мусульманского электората вписываются в растущее сотрудничество между Русской православной церковью (РПЦ) и муфтиятами⁵⁹, которые не только принимают, но и подчёркивают свою вторичную после РПЦ позицию⁶⁰. Так муфтият предпринимает все усилия для того, чтобы представить себя в качестве национальной «церкви для ислама»⁶¹, исламского аналога РПЦ, который стал бы уникальным институциональным посредником между сообществом верующих и светским государством. Московский муфтият выпустил Социальную доктрину российских мусульман, вдохновлённую Социальной доктриной РПЦ, в которой объясняется, что быть «хорошим мусульманином», означает быть послушным гражданином светского российского государства. РПЦ и муфтият говорят на одном языке, когда речь идёт о консервативной тенденции России во внутренней политике и на международной арене, и, если муфтият занимает

58. *Ibid.*

59. Духовные инстанции, представляющие иудаизм и буддизм, следуют той же тенденции к сотрудничеству с РПЦ.

60. *Sibgatullina G.* The Muftis and the Myths: Constructing the Russian «Church for Islam» // *Journal of Religion in Europe* (в печати).

61. Этот термин был введён Робертом Крузом в *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard University Press. 2006.

более нюансированную позицию по Ближнему Востоку, обе структуры единодушны в своей критике Запада и либерализма⁶².

Речь идёт не об одном лишь прагматичном сотрудничестве между двумя религиями, но и о своего рода сращивании российского ислама с тяжеловесной символической политикой РПЦ. Главный муфтий расположенного в Уфе Центрального духовного управления мусульман Талгат Таджуддин никогда не скрывал своей дружбы с бывшим патриархом Алексием II, которого он считал «высшим духовным лидером страны»⁶³, и создал для себя титул «Муфтий всея Руси» – откровенный аналог титула своего православного коллеги, именующегося как «Патриарх Московский и всея Руси». Кроме того, он публично принимал участие в «мусульманской» версии некоторых православных ритуалов, таких как окропление святой водой⁶⁴, и неоднократно использовал выражение «Святая Русь». В 2015 году, в разгар полемики о влиянии пропаганды ИГИЛ на халифат в Сирии и Ираке, Таджуддин дошёл до того, что заявил: «У российских мусульман уже есть халифат – Святая Русь»⁶⁵. Как отметила Гульназ Сибгатуллина, распространение интерпретаций ислама с использованием православной лексики и на русском языке приводит к растущему сближению между этими двумя религиями, в том числе на языковом уровне⁶⁶.

Муфтияты также следуют по пути РПЦ в постепенном оспаривании светских принципов российского государства. РПЦ всё громче заявляет о своём намерении быть признанной в качестве ключевого партнёра в любом взаимодействии государства и общества, и стремится проникнуть в светские государственные институты⁶⁷. Так, Церковь уже прочно внедрилась в армейские институты (Министерство обороны,

62. *Bustanov A.K., Kemper M.* Russia's Islam and Orthodoxy beyond the Institutions: Languages of Conversion, Competition and Convergence // *Islam and Christian-Muslim Relations*. Т 28. № 2. 2017. Сс. 129–39.

63. Упоминается в *Gvosdev N.K.* The New Party Card? Orthodoxy and the Search for Post-Soviet Russian Identity // *Problems of Post-Communism*. Т 24. № 6. 2000. Сс. 29–38.

64. *Рахматуллин Т.* Чем отличился Талгат Таджуддин за 40 лет? // *Реальное время*. 19 июня 2020. <https://realnoevremya.ru>.

65. Таджуддин анонсировал халифат – «Святая Русь» // *Islamnews.ru*. 10 ноября 2015. <https://islamnews.ru>.

66. *Sibgatullina G.* Languages of Islam and Christianity in Post-Soviet Russia. Leiden: Brill Rodopi. 2020; *Bustanov A.K., Kemper M.* Russia's Islam and Orthodoxy beyond the Institutions.

67. *Agadjanian A.* Tradition, Morality and Community: Elaborating Orthodox Identity in Putin's Russia // *Religion, State and Society*. Т. 45. № 1. 2017. Сс. 39–60; *Stoeckl K.* Russian Orthodoxy and Secularism // *Brill Research Perspectives in Religion and Politics*. Т. 1. № 2. 2020. Сс. 1–75.

военно-промышленный комплекс, военные учебные заведения⁶⁸), а также в пенитенциарную систему, но ей пока не полностью удалось проникнуть в образовательные учреждения. Например, введение в школах предмета «Основы православной культуры» в рамках факультатива «Основы религиозных культур и светской этики» не оправдало ожиданий Церкви. В 2017-2018 годах чуть более трети российских семей (37%) выбрали курс по православию, в то время как 42% выбрали светскую этику и 17% – мировые религиозные культуры. Аналогично, курс по исламской культуре выбирают в основном родители из Северо-Кавказского федерального округа – 39 процентов⁶⁹.

Всякий раз, когда РПЦ чувствует, что её ценностная повестка подвергается нападкам со стороны светских или либеральных слоёв общества, она может рассчитывать на поддержку муфтията – своего верного партнёра в этих новых культурных войнах. Например, в 2017 году мусульманские институты присоединились к православным радикалам в осуждении широко разрекламированного фильма «Матильда», рассказывающего о (документально подтверждённой) истории любви молодого Николая II, в то время ещё царевича, и балерины Матильды Кшесинской. Поскольку фильм изобилует сценами сексуальной жизни будущего царя (к тому же не со своей будущей женой), некоторые представители церкви назвали его богохульным и призвали верующих молиться о его запрете, хотя Патриархия не делала никаких официальных заявлений на этот счёт. Власти в мусульманских регионах очень серьёзно отнеслись к обвинению в богохульстве и заняли более репрессивную позицию, чем власти других российских регионов. Так, автономная Республика Татарстан запретила показ фильма в государственных кинотеатрах (но не в частных⁷⁰), а власти Чечни и Дагестана, при поддержке главного муфтия Москвы Альбира Крганова, потребовали запретить фильм в своих республиках и призвали заменить его фильмом, который представил бы последнего российского царя в лучшем свете⁷¹.

68. *Adamsky D.* Russian Nuclear Orthodoxy: Religion, Politics, and Strategy. Stanford: Stanford University Press. 2019.

69. *Iakimova O.* A Decade of Religious Education in Russian Schools: Adrift between Plans and Experiences // PONARS Eurasia Policy Memo. № 676. Ноябрь 2020. www.ponarseurasia.org.

70. Территория «Матильды»: где можно и где нельзя смотреть фильм в России. КартаTerritoriia 'Matil'dy': gde mozhno i gde nel'zia smotret' fil'm v Rossii. Karta // Meduza.io. 10 августа 2017. <https://meduza.io>.

71. Муфтий Москвы предложил снять блокбастер о Николае II в ответ на «Матильду» // Интерфакс. 9 августа 2017. www.interfax.ru.

Тестирование новых исламских политических моделей, адаптированных к спорам о национальной идентичности

Наконец, Россия постепенно предстаёт как пространство для внедрения новых политических моделей, сочетающих элементы ислама и неотъемлемые компоненты русской культурной идентичности. Идея Евразии стала наиболее подходящим лозунгом для формирования инклюзивной национальной идеологии, охватывающей как локальную мусульманскую идентичность, так и общую тему отстаивания культурной и политической уникальности России, отличающей её от Запада.

Уже в позднесоветский брежневский период Духовное управление мусульман активно работало над созданием модели советского ислама, в которой ислам и коммунизм были бы совместимы благодаря акцентированию тем социальной справедливости, согласия и мира во всём мире⁷². Было бы ошибкой считать эти построения чистой пропагандой: для многих мусульман мусульманство (в смысле «традиционного ислама») и советские реалии действительно были совместимы. В 1970-х годах идея исламской революции получила хождение по всему Советскому Союзу благодаря подпольной организации «Исламское возрождение», распространившейся сначала в Таджикистане, а затем среди различных советских мусульманских групп и ставшей политической партией в 1990 году⁷³. Сочетая в себе различные идеологические течения, порождённые иранской революцией, Братьями-мусульманами и турецким исламизмом, партия «Исламское возрождение» просуществовала недолго, но послужила кадровой школой для всех тех, кто стремится разработать исламский проект для России.

В 1990-х годах, в русле либерализма ельцинской эпохи, Татарстан возглавил движение по внедрению «евроислама» – то есть ислама, гармонирующего с проевропейской позицией российских элит той эпохи, подчеркивая при этом уникальность Волго-Уральского региона в рамках российской федеральной

72. *Tasar E. Soviet and Muslim. Op. cit.*

73. *Epkenhans T. The Islamic Revival Party of Tajikistan: Episodes of Islamic Activism, Postconflict Accommodation, and Political Marginalization // Central Asian Affairs. T.2. № 4. 2015. Сс. 321-346.*

структуры. Однако это движение не получило поддержки за пределами татарского мира, и многие мусульманские лидеры не признали его легитимность, сочтя его излишне подверженным русскому и западному влиянию⁷⁴. В начале 2000-х годов теория «коранического гуманизма», выдвинутая научным сотрудником Российской Академии наук Тауфиком Ибрагимом, использовалась московским муфтием для пропаганды универсального либерального ислама, но и этот проект не увенчался успехом⁷⁵. Ни евроисламу, ни кораническому гуманизму не удалось ни заручиться широкой поддержкой мусульман России, ни получить одобрение на достаточно высоком федеральном политическом уровне, чтобы быть навязанным сверху.

За время длительного президентства Путина подобные идеологические конструкции приобрели более явный антизападный и русский националистический оттенок. Помимо кадыровизма, можно выделить по меньшей мере три идеологические конструкции, сформированные под решающим влиянием мусульманских мыслителей. Первая из них, несомненно, наиболее характерна и получила наибольшее официальное признание, в то время как две другие остаются более маргинальными, даже если их реальная репрезентативность не может быть определена по причине недостатка статистических данных.

1. Классическое евразийство, основанное на идее общей евразийской цивилизации, сформировавшейся в результате смешения православия и мусульманства – в частности, славяно-тюркского слияния – в раннесредневековой государственности. Эта евразийская цивилизация консервативна по своей сути и решительно противостоит западной либеральной глобализации и культурной стандартизации. Существует несколько вариантов этого нарратива. Первым появился волго-уралоцентричный вариант: в 1990-х годах Талгат Таджуддин реабилитировал представление о том, что коренной народностью Татарстана были не пришедшие с востока монголо-татарские захватчики, а обращённые в ислам болгары, мирно жившие бок о бок с

74. *Matsuzato K.* The Regional Context of Islam in Russia: Diversities along the Volga // *Eurasian Geography and Economics*. Т. 47. № 4. 2006. Сс. 449-461; *Мацузато К. (ред.)* Ислам от Каспия до Урала: макрорегиональный подход. Москва: РОССПЭН. 2007.

75. *Kemper M., Sibgatullina G.* Liberal Islamic Theology in Conservative Russia: Taufik Ibragim's 'Qur'ānic Humanism' // *Die Welt des Islams*. Март 2021. <https://brill.com>. См. также: *Bekkin R.* The Renovationist Movement in Contemporary Russian Islam // *Context*. Т. 6. № 1. 2019. Сс. 65–90.

русскими. В 2000-х годах Таджуддин сотрудничал с главным неоевразийским идеологом Александром Дугиным, вступив в его партию «Евразия», а затем в Международное евразийское движение. Однако это сотрудничество не привело к созданию легитимной мусульманской евразийской платформы, способной завоевать широкую популярность⁷⁶.

Вторая версия, предложенная конкурентом Таджуддина Равилем Гайнутдином, и его молодым заместителем Дамиром Мухетдиновым (р. 1977), оказалась более успешной в двух отношениях: она отказалась от волго-уралоцентризма в пользу общероссийского мусульманского евразийского дискурса и отмежевалась от Дугина, следуя за перехватом евразийской повестки Кремлём⁷⁷. С тех пор Гайнутдин и Мухетдинов отстаивают положение о том, что российские мусульмане – это «евразийская основа российской цивилизации», а Евразийский экономический союз – это «мусульманский союз»⁷⁸. Их дискурс был скорректирован в соответствии с антизападной повесткой Кремля: Мухетдинов, например, представляет российское мусульманское сообщество как основанное на «антиглобализме, защите традиционных ценностей, традиционном мультикультурализме и умеренном консерватизме»⁷⁹.

2. Революционное исламское евразийство, выразителем которого был Гейдар Джемаль (1947-2016), философ-эзотерик русского и азербайджанского происхождения, проводивший параллели между русским православным национализмом и исламским обновлением, и постулировавшим, что «красно-коричневое» (русские националисты) и «зелёное» (исламисты) движения имеют общие цели. В соответствии с этой точкой зрения, Россия лучше всего подходит для создания альянса, способного противостоять однополярному миру, навязываемому Соединёнными Штатами, поскольку она может опереться как на славянофильскую националистическую традицию антизападничества, так и на частичную принадлежность к

76. *Shlapentokh D.* Islam and Orthodox Russia: From Eurasianism to Islamism // *Communist and Post-Communist Studies*. Т. 41. 2008. Сс. 27-46.

77. *Kemper M.* «Mufti Ravil Gainutdin: The Translation of Islam into a Language of Patriotism and Humanism», в *Bustanov A.K., Kemper M. (ред.) Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia*. Amsterdam: Pegasus. 2012. Сс. 105–41. *Kemper M.* Religious Political Technology: Damir Mukhetdinov's 'Russian Islam' // *Religion, State and Society* Т. 47. № 2. 2019. Сс. 214–33.

78. *Sibgatullina G., Kemper M. (ред.) The Imperial Paradox: Islamic Eurasianism in Contemporary Russia*. Berlin: Frank & Timme. 2019.

79. *Мухетдинов Д.* Российское мусульманство: традиции уммы в условиях евразийской цивилизации. Москва: Медина. 2016. Сс. 6-7.

исламскому миру через мусульманские меньшинства. Исламская политическая философия Джемаля, вдохновлённая иранской революцией, но при этом суннитская, оказалась слишком радикальной для того, чтобы привлечь широкую аудиторию, но оставалась довольно заметной на российском исламском идеологическом рынке до смерти Джемаля⁸⁰.

3. Исламский «белый» русский национализм, представленный этническими русскими, обращёнными в ислам. Данных по динамике обращения в ислам также не хватает, но некоторые наблюдатели отмечают тенденцию к росту⁸¹. В 2004 году была создана Национальная организация российских мусульман (НОРМ) – первое объединение обращённых в ислам. Один из её главных представителей, Али Полосин, бывший православный священник, перешедший в ислам и работающий в московском муфтияте, призвал русских принять ислам как единственный путь к моральному и физическому возрождению после десятилетий государственного атеизма, а затем западного либерализма⁸². Многие обращённые присоединились к российской секции всемирного движения «Мурабитун». Возглавляемое Харуном Ар-Руси, это движение непосредственно опирается на метафизику ультраправого толка и так называемую школу примордиализма Юлиуса Эвола. Оно призывает к признанию «белого ислама», утверждая, что ислам является исконной религией коренного европейского населения и должен быть отмежован от идеи миграции с южной стороны Средиземного моря⁸³.

80. *Sibgatullina G., Kemper M.* Between Salafism and Eurasianism: Geidar Dzhemal and the Global Islamic Revolution in Russia // *Islam and Christian–Muslim Relations*. Т. 28. № 2. 2017. Сс. 219–236. См. также: *Laruelle M.* «Digital Geopolitics Encapsulated: Geidar Dzhemal between Islamism, Occult Fascism and Eurasianism», в *Suslov M., Bassin M. (ред.) Eurasia 2.0. Russian Geopolitics in the Age of New Media*. Lanham: Lexington. 2016. Сс. 81–100.

81. Беседы автора с анонимными сотрудниками Соборной мечети в Москве.

82. *Полосин Али В.* Прямой путь к Богу. Москва: Ладомир. 2000.

83. См. текущий исследовательский проект Г. Сибгатуллиной «WhIsE» («Белый ислам в Европе»).

Заключение

Хотя Россия разделяет со многими западными странами тенденцию к секьюритизации ислама, выросшую как из внутреннего контекста локального сепаратизма и терроризма, так и из глобальной борьбы с терроризмом, ей также удалось придать исламу гораздо более консенсусную роль в общероссийских рамках. И если некоторые версии ислама, оспаривающие легитимность муфтията, внимательно отслеживаются и зачастую подавляются, более покорный ислам смог развиваться в тени режима, требующего прежде всего идеологической лояльности.

Позиционирование Россией себя как консервативной державы, обеспечивающее стабильность политического режима, привело две основные религии страны – православное христианство и ислам – к парадоксальной ситуации. Обе они выигрывают от «брака по расчёту» с государственными институтами в плане финансовой и институциональной поддержки, сохраняя при этом серьёзные идеологические разногласия с государством, поскольку РПЦ и муфтияты отстаивают гораздо более консервативную повестку, чем та, которую режим готов проводить в жизнь. В то время как РПЦ нуждается в государственной поддержке для легитимизации своих – не слишком успешных – усилий по формированию моральных установок и поведения россиян⁸⁴, муфтият находится в более благоприятной ситуации, поскольку мусульманские избиратели в целом более консервативны, чем в среднем этнические русские.

Тем не менее, муфтияты рискуют оказаться оттеснёнными более радикальными группами и лицами, действующими от имени ислама, чего нельзя сказать о РПЦ, за исключением некоторых незначительных фундаменталистских православных движений. Муфтияты всё чаще вызывают критику как слабые институты, не играющие никакой другой роли, помимо бюрократического регулирования вопросов, связанных с исламом, и не имеющие достаточной теологической легитимности. Это подталкивает муфтияты к усилению

84. *Kolstø P., Blakkisrud H.* Not So Traditional After All? The Russian Orthodox Church's Failure as a 'Moral Norm Entrepreneur' // PONARS Eurasia Policy Memo. Т. 710. Сентябрь 2021. www.ponarseurasia.org.

партнёрства как с государственными институтами, так и с РПЦ, в попытке сохранить хрупкий баланс между наиболее радикальными и светскими структурами. Как и везде в мире, мусульманские общины России сотрясают внутренние дебаты о том, что означает мусульманство и как оно должно выражаться в частном и общественном пространстве. В то время как эти дебаты свидетельствуют о довольно сильной поляризации российского мусульманского сообщества, муфтияты стремятся выработать согласованную линию перед лицом независимых религиозных активистов, зачастую гораздо более компетентных в богословских спорах и лучше информированных о состоянии дискуссий на уровне уммы (религиозного сообщества).

За прошедшие годы Россия стала ключевой страной для изучения эволюции ислама в светском/христианском контексте, и многие параллели с эволюцией ислама в Европе ещё предстоит исследовать. Тот факт, что президентом Европейского мусульманского форума является обращённый в ислам россиянин Абдул-Вахед Ниязов, является лишь верхушкой айсберга этой растущей пан-европеизации ислама, в которой Россия может стать ключевым игроком. Эта новая тенденция была подчёркнута на организованном российскими муфтиятами в 2018 году в Париже 14-м Международном мусульманском форуме, где российские делегаты представили Россию в качестве опорного центра европейских мусульман в плане возможности контакта с глобальной уммой и создания халяльной экономики, а также в качестве модели с точки зрения ощущения себя в Европе «как дома»⁸⁵.

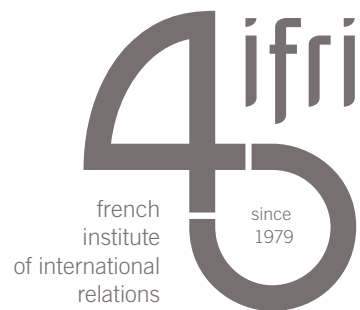
85. 14th International Muslims Forum Opens in Paris. Russian Mufties Council. Без даты. www.muslim.ru.

Последние публикации

Russie.NEI.Visions

- [Суханкин С., «Калининград: бастион или слабое звено посткрымской России?»](#), Russie.NEI.Visions, № 124, сентябрь 2021.
- [Иноземцев В., «Россия: могут ли экономические трудности ослабить политическую систему?»](#), Russie.NEI.Visions, № 123, август 2021.
- [Ларюэль М., «Мягкая сила России: источники, цели и каналы влияния»](#), Russie.NEI.Visions, № 122, апрель 2021.
- [Ло Б., «Климатическая политика России: между отрицанием и адаптацией»](#), Russie.NEI.Visions, № 121, март 2021.
- [Суханкин С., «Российские частные военные компании в субсахарской Африке: роль, преимущества и ограничения»](#), Russie.NEI.Visions, № 120, сентябрь 2020.
- [Пятаков А., «Россия-Латинская Америка в XXI веке: трудности и противоречия сближения»](#), Russie.NEI.Visions, № 119, июль 2020.
- [Баев П., «Трансформация российской стратегической культуры: влияние локальных конфликтов и глобального противостояния»](#), Russie.NEI.Visions, № 118, июль 2020.
- [Ларюэль М., «Успехи и слабости политики России в Арктике»](#), Russie.NEI.Visions, № 117, март 2020.
- [Захаров А., «Друзья познаются в беде: Куда идёт российско-индийское стратегическое партнерство?»](#), Russie.NEI.Visions, № 116, октябрь 2019.
- [Баев П., «Ядерная модернизация России и "чудо-ракеты" Владимира Путина: мифы и реальность»](#), Russie.NEI.Visions, № 115, август 2019.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: souin@ifri.org.

27 rue de la Procession 75740 Paris cedex 15 – France

Ifri.org